

УДК 82:81-26; 82:81'38

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛЕКСИКОНОВ
ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА И АЛЕКСЕЯ КРУЧЁНЫХ**

© 2011 г.

В.В. Никульцева

Московский государственный областной университет

severjanin@list.ru

Поступила в редакцию 23.11.2010

Доказывается, что в словотворчестве Игоря-Северянина и Алексея Кручёных функционируют сходные деривационные явления, которые выступают как формирующие элементы фундамента словотворчества русского футуризма. Производится анализ сходных деривационных способов и словообразовательных моделей в неолексиконах эго- и кубофутуриста.

Ключевые слова: словотворчество, русский футуризм, лексические неологизмы, словообразовательные модели, способы деривации, неолексикон.

Данное исследование посвящено проблеме идентичных словотворческих приёмов, наблюдаемых в словотворчестве Игоря-Северянина (о дефисном написании псевдонима И.В. Лотарёва см. [1; 2]) и Алексея Кручёных. В круг нашего исследования в основном включены произведения раннего (дореволюционного) периода творчества, хотя к анализу также привлекаются и более поздние произведения поэтов. Выборка неологизмов А. Кручёных производилась на основе лексикографического издания, опирающегося на ограниченный литературный и языковой материал [3]. Однако из 92 морфологически интерпретируемых слов, отмеченных исследователем как «принадлежащие Кручёных» и будто бы введенных в текст словаря, нами был обнаружен в словнике только 61 неологизм. Этот факт определил обращение к источнику [4], на базе которого был осуществлён анализ лексических неологизмов. В расчёт не брались заумные образования, не поддающиеся адекватной трактовке. Иллюстрации продуктов словотворчества Игоря-Северянина приводятся по словарю [1]. Помимо этого, обращение к словарю [5] существенно способствует выявлению деривационных приёмов, которые составляют фундамент футуристического словотворчества в целом.

В.П. Григорьев справедливо заметил, что между Игорем-Северянином и А. Кручёных существует больше противоречий, чем общих черт, и предложил будущим исследователям их языка тему «Северянин vs. (а не “и”) Кручёных» [6, с. 713].

Анализ лексических неологизмов А. Кручёных и Игоря-Северянина позволяет констатировать, что и количественно, и качественно не-

олексикон (совокупность индивидуально-авторских лексических единиц в языке писателя, занимающегося словотворчеством) кубофутуриста уступает неолексикону эгофутуриста. В деривационном плане особый интерес представляют те новообразования Кручёных, которые объединяются в одно словообразовательное гнездо: *зудавый, зудавчик, зудариха, зудик, зударка, зударыня, зударь, зудархарь, зудейный* и т.п. Этот приём словотворчества роднит искания А. Кручёных с опытами В. Хлебникова по извлечению корней и новых аффиксов русского языка. Привлекательны для исследователя и те окказионализмы, что строятся путём аппликации двух (реже трёх) слов, совпадающих графически и / или фонетически. Этот способ словообразования, базирующийся на сложении с наложением, в трудах В.П. Григорьева и его последователей назван скорнением. Двойственность новообразований типа *зудырный (зуд + дырный), зудутный (зуд + минутный), зудархарь (зуд + пахарь, знахарь и т.д.), зудильник (зуд + будильник), зудесьма (зуд + весьма), зудиссимо (зуд + брависсимо), зудрець (зуд + мудрець)* определена тем, что, с одной стороны, они могут быть рассмотрены как результаты «скорнения», с другой – как аффиксальные образования либо с новыми алломорфами (напр., суффикс *-н-* может быть представлен алломорфами *-ырн(ый): зудырный; -утн(ый): зудутный*), либо с новыми уникальными аффиксами: *-’узз (поюзз, по аналогии с визз), -рець (зудрець, по аналогии с мудрець)* и т.д.

Помимо суффиксации А. Кручёных привлекают и такие способы деривации, как все виды сложения (основосложение: *злостеболь*; словосложение: *чудо-зудо*; основосложение с суф-

фиксацией: *блехобойство, зудодей*) и префиксация (*разокончиться*). Пожалуй, деривационная палитра этим и ограничивается. Ряд неологизмов можно считать заимствованиями из хлебниковского неолоксикона. Так, неологизмы *словоновы* и *баячь* (ж.р. у Кручёных / *баяч м.р.* у В. Хлебникова) рассматриваются Н.Н. Перцовой как коллективные новообразования; форма *дееса*, образованная по аналогии с *небеса* и имеющая параллели с *живеса, зудеса, милеса, жееса-зееса* у Кручёных, соотносится с огромным количеством подобных хлебниковских новообразований, напр., *гробеса, голубеса, гневеса, будеса* [5, с. 468]. Сложное образование *зыба-кит* включает в свой состав неологизм Хлебникова *зыба*; кручёныховское *ясавый* напоминает хлебниковское *ясивый*.

Игорь-Северянин же, в противовес Кручёных, образует неологизмы разнообразными (узуальными и окказиональными) способами: суффиксацией (*ромаль, королить*), в том числе нулевой (*воль, примитива*); основосложением (*призывосвист, облачно-красный*); словосложением (*корректно-аккуратно, чьох-чьох, полурыдван-полуковчез*); аффиксоидным способом (*роднозём, полуувечный, нео-форма*); суффиксально-сложным способом (*белоконный, розовобликий*); циркумфиксацией (*перелюдить, надплечный*); сращением (*мучительно-влюблённый, неожиданно-серый, вполне*); сращением с суффиксацией (*предомнойный, быстротечка*); префиксацией (*высверкать, отзнак*); сокращением (*Инста, Гризель, диссо*); конверсией (переходом слов в другую часть речи – *встречно, сквозь*); синтаксическим способом (соединением слов в сочетания – *кручёные бурлюки, мушка-поцелуй*); метатезой (перестановкой слогов или слов – *Колорадо-Рио, мальчик-пай*); эпентезой (вставкой слогов или звуков – *впроскользь*); диерезой (выкидкой звуков или слогов – *Культра, окрылость*), постфиксацией (*чароваться, вуалиться*); префиксацией с основосложением (*исчерно-серо*), префиксально-постфиксальным способом (*перетрелиться, прижалиться*); суффиксально-постфиксальным способом (*атласиться, бирюзиться*); префиксально-суффиксально-постфиксальным способом (*вмолниться, проглазиться*); заменой элемента (*простиздеська*), заменой аффикса (*непобедность*), редеривацией (обратным словообразованием – *крол, забветь*). В 90 % случаев новообразования, около половины которых – суффиксальные, построены с применением узуальных способов деривации.

На первый взгляд кажется, что между путями словотворчества Игоря-Северянина и Алек-

сея Кручёных пролегла пропасть. Однако, рассматривая их словотворческие приёмы, необходимо отметить, что излюбленным способом словообразования обоих поэтов является суффиксация, которая особо активна в среде новообразованных существительных. Оба поэта не могут избежать дублетных деривационных приёмов: так, у Кручёных особо активны продуктивные, частотные, регулярные в языке Игоря-Северянина суффиксы отсубстантивных и отадективных существительных -к- (*грёзэрка* ‘уточнённая девушка / женщина; куртизанка, проводящая время в грёзах’; *вассалка* ‘женщина-вассал; служанка’; *кролка* ‘самка кролика’; *эксцессерка* ‘девушка / женщина, склонная к эксцессам, излишествам’; *беспробудка* ‘состояние беспробудного сна наяву’; *туманка* ‘туманное существо; призрак’; *печалка* ‘печальное стихотворение’; ср. с кручёныховскими новообразованиями *зударка, зудёжка*), -ец- (*аполлонец* ‘любимец Аполлона; поэт’; *вселенец* ‘житель вселенной; человек, мыслящий вселенскими категориями’; ср. с кручёныховским новообразованием *зудрец*), -чик- (*коральчик* ‘маленький коралл; здесь: губы’; *оленчик* ‘маленький олень; олененок’; *эольчик* ‘несуществующее существо среднего рода, дитя Эола; ветерок’; ср. с кручёныховскими новообразованиями *зудавчик, зудунчик*), -ик- (*ироник* ‘поэт, в стихах которого сквозит ирония; иронизирующий поэт’; *Южик* ‘девушка / женщина с юга’; *возможник* ‘возможный участник’; *утонченник* ‘человек с уточнённой душой’; ср. с кручёныховскими новообразованиями *зудесик, зудик*), -ник- (*рампник* ‘тот, кто устанавливает рампу; светотехник’; ср. с кручёныховскими новообразованиями *зудесник, зудильник*), а также продуктивные, частотные, регулярные в языке Игоря-Северянина суффиксы отглагольных существительных -ениц- / -ниц- / -нц- (+ др. алломорфы: *отстраданье* ‘завершённость страданий, конец мучений’; *луненье* ‘воздействие лунного света’; ср. с кручёныховским новообразованием *зудесение*), -ец- (*воспевец* ‘тот, кто воспевает кого / что-л.’; ср. с кручёныховским новообразованием *зудивец*), -тель- (*мчатель* ‘тот, кто мчится; ветер’; *окрылитель* ‘тот, кто способен окрылить душу, вдохновить’; ср. с кручёныховским новообразованием *зудитель*), -чик- (*кусайчик* ‘тот, кто кусается’; ср. с кручёныховским новообразованием *зудимчик*). Так же, как Игоря-Северянина, Кручёных особо привлекает суффикс прилагательных -н-, обрастающий многочисленными алломорфами в ряду *зойный, зудейный, зудутный, зудырный* и т.п.; ср. у Игоря-Северянина: отсубстантивные образования *блондный* ‘кружевной;

светлый, легкий, нежный, как кружево»; *пламный* 'пламенный; бордовый от прилива чувств; смущённый'; *фантазный* 'фантастический; парящий в фантазии'; *прозный* 'относящийся к прозе жизни; непоэтический, прозаический, пошлый'; *уродный* 'уродливый; принадлежащий уроду'; *миньонный* 'похожий на миньон; крошечный, изящный'; *монбланнный* 'высокий, как Монблан'; *лилитный* 'сказочный, неуловимый, как Лилит'; отглагольные образования *улыбный* 'склонный улыбаться; вызывающий желание улыбаться'; *волнуный* 'способный волновать'; *пророчный* 'наделённый способностью пророчить; склонный к пророчеству'; *журчный* 'производящий звуки журчания; журчащий'; *углубный* 'проявляющий стремление углубляться; углубляющийся, сильный'; *добавный* 'добавляющий кого / что-л. до какой-л. степени' и мн. др.

Многое в неолоксиконе Игоря-Северянина, питающегося водами символистского словаря, восходит к словотворческим опытам Велимира Хлебникова. Показательно, что В.П. Григорьев, указывая на возможность сопоставления идиостилей В. Хлебникова и Игоря-Северянина, отмечает необычность некоторых новообразований в системе словотворчества Хлебникова: «Контрасту между *поэтами* и *былинами* (у Хлебникова – в значении “поэмы”) следует сопоставить и несколько неожиданное *огрезьте* (НП, 270; 1916 г.) в ряду других форм типа *очи-кажнить, омамаены, овладивосточить* и т.п.» [7, с. 59]. Исследователь творчества В. Хлебникова вслед за Н.И. Харджиевым признаёт влияние поэтических опытов Игоря-Северянина на других поэтов Серебряного века. В частности, это сказывается и на повторяемости, и на частотности моделей словотворчества (циркумфиксные, нулевые образования, неологизмы с заимствованными корнями и аффиксами и т.п.). Заслуживает внимания и тот факт, что в северянинском и хлебниковском «языках» бытует высокочастотный неологизм *грёзный*, который входит в деривационное гнездо ключевого слова *грёза* и обладает несколькими значениями в контекстах обоих поэтов. Этот неологизм был употреблён также К. Вагиновым в 1917 г. [8, с. 179]. Однако Н.Н. Перцова признаёт прилагательное *грёзный* сомнительным неологизмом, несмотря на его частотность в идиостиле Хлебникова и вхождение в тематический ряд ключевых слов [5, с. 137]. В свете таких разноречивых подходов мы можем констатировать, что только два поэта настолько активно использовали всевозможные словообразовательные и семантико-стилистические потенции существительного *грёза*, что оно в системе словотворчества рус-

ского футуризма утратило свою франко-бельгийскую доминанту, вызывающую устойчивые романтические ассоциации (Э. Ростан, М. Метерлинк). Именно связи Игоря-Северянина и В. Хлебникова (если не духовные, то по крайней мере формально-деривационные) определяют то обстоятельство, что мы сейчас способны перекинуть тонкий мостик между двумя берегами мощной реки, по руслу которой течёт поток футуристического словотворчества, вбирающий в себя тонкий ручеёк «заумного языка» А. Кручёных. Кручёных был своего рода «перекрёстком словотворчества» Игоря-Северянина и В. Хлебникова. Однако ни одно слово Кручёных не введено Игорем-Северянином в текст. Северянинскому вкусу большее всех импонировало творчество В. Каменского, и прежде всего из-за его способности впитывать, как губка, новое и стилистически удачное. В северянинском художественном видении Каменскому не было места в вызывающем ироническую усмешку «сонме *кручёных бурлюков*» (цитата из северянинского «Рояля Леандра»: *Уже воюет Эго с Кубо, / И сонм кручёных бурлюков / Идёт войной на Сологуба / И символических божков* [9, с. 30]).

У Алексея Кручёных мы не найдём большого разнообразия деривационных моделей и способов (если будем рассматривать только морфологически интерпретируемые слова: заумь деривационному анализу не поддаётся, и потому она находится за рамками нашего исследования), хотя многие его неологизмы созданы в духе Хлебникова. Основным его словотворческим приёмом остаётся составление деривационных гнёзд, интерпретируемых только в условиях замкнутого контекста. Тем самым подтверждается мысль В.П. Григорьева о том, что у Кручёных невозможно найти «оппозиций, сопоставимых с хлебниковскими по их глубинному статусу» [10, с. 473].

Список литературы

1. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН; Под ред. проф. В.В. Лопатина. М.: ООО «Азбуковник», 2008. 370 с.
2. Никульцева В.В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. №3. С. 96–98.
3. Масленников Д.Б. Словарь окказиональной лексики футуризма. Уфа, Изд-во БГПУ, 2000. 140 с.
4. Кручёных А.Е. Стихотворения. Поэмы. Романы. Опера / Сост., подг. текста, вст. ст. и прим. С.Р. Красицкого. СПб., 2001. (Библиотека поэта. Малая серия.) 477 с.
5. Перцова Н.Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Предисловие Хенрика Барана // Wiener

Slawistischer Almanach. Sonderband 40. Wien – Moskau, 1995. 560 с.

6. Григорьев В.П. Северянин и Хлебников // Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000. С. 713–715.

7. Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М.: Наука, 1986. 253 с.

8. Вагинов К.К. Стихотворения из альбома, подаренного К.М. Маньковскому. Публикация

С.А. Кибальника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1992 год. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1996. С. 169–214.

9. Игорь Северянин. Рояль Леандра (Lugne). Роман в строфах. Бухарест: Издание автора, 1925.

10. Григорьев В.П. Заумец и Главдрасмысел // Григорьев В.П. Будетлянин. М., 2000. С. 467–474.

COMPARATIVE ANALYSIS OF NEOLEXICONS OF IGOR SEVERYANIN AND ALEXEY KRUCHENYKH

V.V. Nikultseva

The author argues that in Igor Severyanin's and Alexey Kruchenykh's word creation similar derivational phenomena act as forming elements for the base of Russian futurism's word creation. The analysis of similar derivational ways and word-formation models in neolexicons of the ego-futurist and the cubo-futurist is performed.

Keywords: word creation, Russian Futurism, lexical neologisms, word-formation models, methods of derivation, neolexicon.